

Если русская читающая публика 1846 г. во многом отличалась от публики конца тридцатых годовъ, то это было преимущественно дѣломъ „Отечественныхъ Записокъ“. Чтобы найти нѣчто аналогичное ихъ тогдашнему значенію, нужно обратиться ко временамъ французскихъ энциклопедистовъ; только вліяніе послѣднихъ можетъ сравниться (не по свойству, конечно, а по интенсивности и силѣ) съ тою ролью, которая принадлежала критикѣ Бѣлинскаго, поддерживаемой творчествомъ его литературнаго лагеря. Когда въ средѣ этого лагеря произошелъ памятный расколъ, завершившійся основаніемъ Некрасовскаго „Современника“, можно было думать, что для „Отечественныхъ Записокъ“ наступила эпоха непоправимаго упадка; на самомъ дѣлѣ, однако, онѣ спустились лишь на нѣсколько ступеней и скоро очутились снова на одномъ уровнѣ съ соперникомъ—больше, впрочемъ, потому, что послѣдній не могъ удержаться на сразу занятомъ имъ мѣстѣ. Смерть Бѣлинскаго совпала съ началомъ періода, вообще крайне неблагоприятнаго для русской журналистики. Въ критикѣ это было временемъ такъ-сказать междуцарствія. Досады Бѣлинскаго никому не оказались по силамъ; Майковъ, въ которомъ онъ видѣлъ своего преемника, умеръ почти одновременно съ нимъ самимъ. На критическую арену выступили труженики, знатоки исторіи литературы, болѣе добросовѣстные, чѣмъ даровитые—и въ этомъ отношеніи „Отечественнымъ Запискамъ“ посчастливилось не меньше, чѣмъ „Современнику“; если послѣдній нашелъ Дружинина, то опорой первыхъ сдѣлался Дудышкинъ. По части беллетристики, особенно важной именно въ моменты журнальной невзгоды, „Отечественныя Записки“ приобрѣли Достоевскаго, въ нихъ промелькнулъ молодой тогда г. Салтыковъ („Запутанное дѣло“, мартъ 1848 г.); потерявъ и того, и другого („Современникъ“ въ то же самое время потерялъ Искандера), онѣ заручились крупнымъ дарованіемъ Крестовскаго-псевдонима. Двоевластіе обоихъ журналовъ продолжалось, на равныхъ, приблизительно, правахъ, до новаго поворотнаго пункта въ исторіи нашей умственной жизни—до „возрожденія“ пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь обстоятельства сразу стали не совсѣмъ благоприятными для старшаго изъ двухъ представителей. Въ русскіе журналы въ первый разъ проникъ, хотя и подъ полу-маской, элементъ публицистическій; преимущество должно было непременно оказаться на сторонѣ тѣхъ, кто сумѣетъ дать этому элементу наиболѣе ясную, опредѣленную форму. „Отечественнымъ Запискамъ“ это не удалось; онѣ очутились, если можно такъ выразиться, между двумя стульями, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ „Современникомъ“, другой—возрожденнымъ тогда „Русскимъ Вѣстникомъ“. Второй, не менѣе важной неудачей было то, что мѣсто критика въ „Отечественныхъ Запискахъ“ оставалось вакантнымъ, между тѣмъ какъ въ „Современникѣ“ его съ такимъ блескомъ завоевалъ Добролюбовъ. До конца пятиде-